

К адвокату применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за допущенные им нарушения, выразившиеся в ненаправлении в Совет АПМ уведомления о принятии им поручения на ведение дела по требованиям другого адвоката

К адвокату применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за допущенные им нарушения, выразившиеся в ненаправлении в Совет Адвокатской палаты города Москвы уведомления о принятии им поручения на ведение дела по требованиям другого адвоката, а также во включении в письменные возражения этически недопустимых и не соответствующих деловой манере выражений.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании 28 февраля 2020 г. с участием адвоката Д. дисциплинарное производство, возбужденное в отношении него по жалобе адвоката Т.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 5 февраля 2020 г. адвокатом Д. допущено нарушение норм Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся:

– в ненаправлении, вопреки положениям абз. 1 п. 4 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, не позднее 11 ноября 2019 г. в Совет Адвокатской палаты города Москвы уведомления о принятии им поручения ООО «...» на представление интересов последнего при рассмотрении З. районным судом города Москвы гражданского дела... по требованиям Т., имеющего статус адвоката...

– во включении, вопреки положениям п. 2 ст. 8, подп. 7 п. 1 ст. 9, ст. 12, подп. 1 п. 2 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, в письменные возражения на требования истца от 11 ноября 2019 г., предоставленные в ту же дату в заседание З. районного суда города Москвы по гражданскому делу... адресованных Т., имеющему статус адвоката, выражений «бредовые» и «мы серьезно переживаем за его душевное здоровье и возможное наличие у

истца психических расстройств, резко повлиявших на уровень его профессиональных знаний, которые он применял до этого при сдаче экзамена на получение статуса адвоката».

Кроме того, Квалификационная комиссия в том же Заключении пришла к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства:

– в части дисциплинарных обвинений в размещении на сайте... в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» информации, противоречащей законодательству об адвокатской деятельности и адвокатуре, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

– в части дисциплинарных обвинений в осуществлении Д. предпринимательской деятельности в качестве индивидуального предпринимателя и единоличного исполнительного органа ООО «П.» вследствие отзыва жалобы;

– в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель адвокат Т., извещенный надлежащим образом о времени и месте рассмотрения дисциплинарного производства и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, просил рассмотреть дисциплинарное производство в его отсутствие.

...Адвокат Д. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и пояснил, что не согласен с ее выводами, поскольку Палата, по его мнению, «занимается субъективизмом и не учитывает свободы слова и свободы выражения мысли и мнения». Считает, что не применял оскорбительных выражений в адрес адвоката Т., который подал надуманный иск. Его (Д.) это «выбесило» и стало причиной его выражений. Поэтому в ответ адвокат Т. решил ему «нагадить». В Кодексе профессиональной этики адвоката есть общая фраза о недопустимости умаления достоинства других лиц, но это и есть субъективизм, поскольку любую фразу можно подвести под понятие «умаление чести и достоинства». Это не вопрос корпоративной этики, а вопрос корпоративной поддержки.

Совет, рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, заслушав адвоката Д., вопреки его позиции соглашается с выводами Квалификационной комиссии и признает, что Комиссией на основании достаточной совокупности достоверных

доказательств, позволяющей считать презумпцию добросовестности адвоката опровергнутой, а его вину доказанной, установлены нарушения адвокатом Д. требований Кодекса профессиональной этики адвоката.

...Так, установлено, что адвокат Т., действуя как физическое лицо, вне рамок профессиональной деятельности, приобрел ряд изделий ООО «...». Впоследствии адвокат Т., полагая ненадлежащим исполнением заключенных с ним договоров со стороны ООО «...», обратился как физическое лицо в 3. районный суд города Москвы с исковыми требованиями, обосновывая их нормами гражданского законодательства, в частности, законодательства о защите прав потребителей. При рассмотрении судом требований Т. интересы ответчика ООО «...» в качестве представителя осуществлял адвокат Д. В судебном заседании 11 ноября 2019 г. адвокат Д. представил суду для приобщения к материалам дела письменные возражения на требования истца.

Адвокат Д. не отрицал, что еще на стадии досудебных переговоров, которые он вел от имени доверителя с Т., ему стало известно о наличии у последнего статуса адвоката. В ходе судебного разбирательства адвокат Д., оппонировав заявленным требованиям, прямо ссылаясь на наличие у Т. статуса адвоката, в том числе в высказываниях, которые являются предметом дисциплинарного производства.

Адвокат Д. также не оспаривал то обстоятельство, что уведомление в Совет Адвокатской палаты города Москвы о принятии им поручения ООО «...» на ведение дела против адвоката Т. им не направлялось.

Оценивая профессиональное поведение адвоката Д. в данной части, Совет исходит из действующей редакции абз. 1 п. 4 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, в соответствии с которым адвокат обязан уведомить Совет о принятии поручения на ведение дела против другого адвоката. В связи с этим Совет, как и Квалификационная комиссия, основываясь на изменении представлений адвокатского сообщества об обязанностях адвоката при принятии поручения на ведение дела против другого адвоката, приходит к выводу о нарушении адвокатом Д. требований, содержащихся в абз. 1 п. 4 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Являющиеся предметом настоящего дисциплинарного производства высказывания адвоката Д. содержатся в его письменных возражениях на исковые требования, которые были им представлены 11 ноября 2019 г. для приобщения к материалам гражданского дела... при его рассмотрении 3. районным судом города Москвы. Адвокат Д. факт составления и представления в суд письменных возражений на исковые требования, равно как и их содержание, не отрицает.

Согласно подп. 7 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе допускать в процессе разбирательства высказывания, умаляющие честь и достоинство других участников разбирательства, даже в случае их нетактичного поведения.

В соответствии со ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, участвуя в судопроизводстве, адвокат должен проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле.

Изложенными и обязательными для всех адвокатов положениями законодательства установлен запрет на использование адвокатом высказываний, которые по форме либо по содержанию негативно, унижительно характеризуют моральные либо иные, в том числе профессиональные, качества иных участников судебного разбирательства, посягают на их достоинство. Употребление негативных характеристик в адрес других участников судебного разбирательства вынужденно допускается лишь в том случае, если это является необходимой составной частью правовой позиции адвоката по делу.

Совет обращает внимание на то, что содержащееся в подп. 7 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката требование сохраняет свою обязательность для адвоката даже в случае нетактичного поведения иных участников судебного разбирательства. Иными словами, никакое провоцирующее поведение иных участников разбирательства, в том числе, выраженное в неадекватной, по мнению адвоката, позиции по делу, не освобождает адвоката от обязанности руководствоваться изложенными выше требованиями законодательства. По этой причине Совет отклоняет как несостоятельную и не влияющую на оценку профессионального поведения адвоката Д. его ссылку на то, что адвокат Т. подал надуманный, по его мнению, иск, и это его (Д.) «выбесило». Совет подчеркивает, что данное обстоятельство, если бы оно и имело место, не дает адвокату права высказывать оскорбления и/или проявлять неуважение в адрес оппонента по судебному спору.

Запрет на использование высказываний, умаляющих честь и достоинство других участников разбирательства, содержащийся в подп. 7 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, применительно ко взаимоотношениям адвоката с коллегами конкретизирован в подп. 1 п. 2 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, в соответствии с которым адвокату запрещается использовать выражения, умаляющие честь, достоинство и деловую репутацию другого адвоката. Кроме того, в п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката указывается на обязанность адвоката придерживаться манеры поведения, соответствующей деловому общению. Изложенная норма применима, в том числе, при оценке поведения адвоката в процессе судебного разбирательства. Она означает недопустимость использования в ходе судебного разбирательства «пониженной», вульгарной лексики, а также предполагает процессуальную уместность суждений адвоката, их соответствие моменту судебного разбирательства и обсуждаемому вопросу.

Применяя эти критерии для оценки выражений, использованных адвокатом Д. в ходе судебного разбирательства в 3. районном суде города Москвы, Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что некоторые из них являются допустимыми, а другие упречными.

Так, в отношении выражений «фантазии истца» и «верх юридической безграмотности», использованных адвокатом Д. для характеристики позиции адвоката Т., Квалификационная комиссия сочла, что они по сути являются гротескными, усиливающими довод адвоката Д. о фактической необоснованности позиции процессуального оппонента, которые были использованы в возражениях против требований истца и потому могут быть объяснены намерением адвоката Д. усилить воздействие использованной им аргументации на суд с целью наилучшей защиты прав и интересов своего доверителя. Поэтому нарушением изложенных выше запретов указанные высказывания не являются. Совет соглашается с этим выводом.

Вместе с тем использование адвокатом Д. в отношении юридической позиции адвоката Т. прилагательного «бредовые» и выражения «мы серьезно переживаем за его душевное здоровье и возможное наличие у истца психических расстройств, резко повлиявших на уровень его профессиональных знаний, которые он применял для этого при сдаче экзамена на получение статуса адвоката» допустимым признать нельзя в силу нижеследующего.

Указанные выражения имеют своим предметом не позицию истца, а личность адвоката Т., характеризуя его резко негативно, в том числе в отношении состояния психического здоровья. Исходя из характера гражданско-правового спора между адвокатом Т. и ООО «...», профессиональные и личные качества адвоката Т., а также его психическое здоровье никакого отношения к предмету доказывания не имели, позицию адвоката Д. в судебном споре никак не усиливали. При этом указанные выше выражения адвокат Т. вправе был воспринимать как умаляющие его честь, достоинство и деловую репутацию как адвоката.

Совет разделяет оценку Квалификационной комиссией как надуманного довода адвоката Д. о том, что фразы о «душевном здоровье» и «наличии психических расстройств» были использованы им в отношении адвоката Т. не как утвердительные, а в сослагательном наклонении, лишь для выражения его, адвоката Д., собственных переживаний относительно наличия у адвоката Т. психических проблем. В изложенной выше фразе адвокат Д. утверждает о наличии в поведении адвоката Т. при рассмотрении спора с ООО «...» оснований предполагать его психическое нездоровье, что со всей очевидностью является процессуально неуместным, этически недопустимым и не соответствующим деловой манере поведением, умаляющим честь, достоинство и деловую репутацию адвоката Т.

Существенным для оценки поведения адвоката Д. является также то обстоятельство, что его высказывания, являющиеся предметом настоящего дисциплинарного производства, использованы им в заранее подготовленных письменных возражениях на исковые требования. В силу изложенного к ним неприменима правовая позиция Европейского Суда по правам человека о том, что при устном выступлении у лица отсутствует возможность переиначить высказанное, облагородить определенные фразы или опустить их до того, как употребленные им выражения станут достоянием публики (см. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Гюндюз [Gunduz] против Турции» (жалоба № 35071/97)). Адвокат Д. заранее подготовил свои письменные возражения против исковых требований адвоката Т., в силу чего использованные в этих возражениях выражения не могут быть признаны спонтанными или спровоцированными эмоционально насыщенным моментом судебного заседания.

Кроме того, Совет обращает внимание адвоката Д. на то, что реализация его права на свободу слова и выражения приходящих к нему мыслей должна им осуществляться с учетом особенностей добровольно принятого им на себя статуса адвоката. Это обстоятельство возлагает на него обязанность соблюдать требования и ограничения, предусмотренные Кодексом профессиональной этики адвоката. Такой подход в полной мере соответствует позиции Европейского Суда по правам человека, который, например, в Постановлении по делу «Игорь Кабанов (Igor Kabanov) против Российской Федерации» (жалоба № 8921/051) подтвердил, что каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Однако осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе, в том числе для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц (выделено Советом).

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Д. в части указанных выше дисциплинарных обвинений опровергнутой, а его умышленную вину доказанной.

Адвокат Т. в жалобе также указывает на содержащиеся на сайте адвоката Д. в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» высказывания от его (адвоката Д.) имени об аморальности адвокатской деятельности, превалировании исключительно материальной мотивации в деятельности адвоката, что подрывает доверие к адвокатуре как к профессиональному сообществу в целом.

Квалификационная комиссия, полагая дисциплинарное производство в этой части подлежащим прекращению вследствие выявившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения, исходит в своем Заключении из того, что какая-либо информация в отношении адвоката Т. в представленных им распечатках с сайта... в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» отсутствует. При этом Комиссия указала, что жалоба, поданная другим адвокатом, является допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства, предусмотренным подп. 1 п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, лишь в случае, если действия (бездействие) адвоката, на упречность которых указывается в жалобе, затрагивают права и интересы адвоката-заявителя либо его доверителя. По мнению Комиссии, при оценке доводов о публично распространяемых адвокатом высказываний об аморальности деятельности адвоката, превалировании в ней исключительно материальной мотивации, что подрывает доверие к адвокатуре как профессиональному сообществу в целом, следует исходить из того, что защиту прав и интересов адвокатуры как профессионального сообщества осуществляют его органы, должностные лица которых в соответствии с подп. 2 п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката наделены правом инициирования дисциплинарного производства.

Совет не может согласиться с таким подходом в силу следующего.

В преамбуле Кодекса профессиональной этики адвоката указано: «Существование и деятельность адвокатского сообщества невозможны без соблюдения корпоративной дисциплины и профессиональной этики, заботы адвокатов о своих чести и достоинстве, а также об авторитете адвокатуре». Следовательно, проявление заботы об авторитете адвокатуры является одновременно правом и обязанностью каждого адвоката. Из этого, в свою очередь, следует, что адвокат, руководствуясь изложенными выше требованиями, а также принципами корпоративности и равноправия адвокатов, предусмотренными ст. 3 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», вправе считать свои права и интересы члена адвокатского сообщества нарушенными недопустимым публичным поведением другого члена этого же сообщества, если такое поведение связано с его принадлежностью к адвокатскому сообществу и угрожает авторитету адвокатуры.

Конституционный Суд РФ в Определении от 30 января 2020 г. № 34-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Буркина Виталия Анатольевича и Филиппских Юрия Ивановича на нарушение их конституционных прав положениями Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» во взаимосвязи с положениями Кодекса профессиональной этики адвоката и Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» указал: «...положения подпункта 4 пункта 1 статьи 7, подпунктов 2 и 21 пункта 2 статьи 36 и подпункта 16 пункта 3 статьи 37

Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации” устанавливают компетенцию органов адвокатского сообщества, а также предписывают адвокату соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения этих органов, принятые в пределах их компетенции.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, наделение адвокатских палат (их органов) контрольными и управленческими полномочиями, в том числе полномочиями по принятию обязательных для адвокатов решений по отдельным вопросам адвокатской деятельности, согласуется с особым публично-правовым статусом некоммерческих организаций подобного рода, в том числе профессионального сообщества адвокатов, которое не входит в систему органов публичной власти и действует независимо от них (Постановления от 19 мая 1998 г. № 15-П, от 23 декабря 1999 г. № 18-П, от 19 декабря 2005 г. № 12-П и от 18 июля 2019 г. № 29-П). Следовательно, такое регулирование не выходит за пределы дискреции законодателя, а приведенные нормы сами по себе не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права заявителя.

Предъявление же особых профессионально-этических требований к мнениям, суждениям и комментариям адвокатов, которые они выражают публично, в том числе в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, по поводу деятельности государственных органов и должностных лиц, в том числе судей, обусловлено имеющими публично-правовое значение задачами и функциями адвоката, который, будучи независимым профессиональным советником по правовым вопросам, призван обеспечивать защиту прав и свобод человека и гражданина во взаимодействии с органами государственной, прежде всего судебной, власти и, соответственно, должен стремиться поддерживать доверие граждан к судебной власти, согласуется с предписаниями статьи 29 Конституции Российской Федерации и статьи 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, задающих пределы осуществления свободы слова. Европейский Суд по правам человека, давая казуальное толкование статьи 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, применительно к осуществлению свободы выражения мнения адвокатами, указывал, что адвокаты имеют право, в частности, комментировать на публике отправленные правосудия, если только их критика не выходит за определенные рамки, которые заключаются в обычных ограничениях, применяемых к поведению членов адвокатской коллегии, и что вне зала суда адвокаты не могут позволить себе высказывания, которые настолько серьезны, что выходят за пределы допустимых комментариев без надежного фактического обоснования, а также они не могут высказывать оскорблений (Постановления от 20 апреля 2004 г. по делу “Амихалакиоае (Amihalachioaie) против Республики Молдова”, от 15 декабря 2005 г. по делу “Киприану (Kyprianou) против Кипра”, от 13 декабря 2007 г. по делу “Фолья (Foglia) против Швейцарии”, от 15 декабря 2011 г. по делу “Мор (Mor) против Франции” и от 23 апреля 2015 г. по делу “Морис (Morice) против Франции”, Решение от 24 января 2008 г. по вопросу приемлемости жалобы № 17155/03 “Изабель Кутан (Isabelle Coutant) против Франции”»).

По указанным причинам адвокат, считающий свои права нарушенными, в соответствии с подп. 1 п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката вправе обратиться с жалобой в уполномоченный орган адвокатского самоуправления, и жалоба адвоката с таким предметом должна рассматриваться в качестве допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства при условии ее соответствия всем остальным требованиям, предусмотренным ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката.

В свою очередь органы адвокатского самоуправления в пределах предоставленных им полномочий обязаны реагировать на такого рода обращения адвокатов, в том числе, в процедуре дисциплинарного производства.

Что же касается существа данного дисциплинарного обвинения, то, как следует из Заключения Квалификационной комиссии и материалов дисциплинарного производства, принадлежность сайта именно Д. как адвокату, равно как и принадлежность именно ему высказываний, приведенных в жалобе адвоката Т., достаточными доказательствами не подтверждены. При таких обстоятельствах Совет не может признать презумпцию добросовестности адвоката Д. опровергнутой в части указанного дисциплинарного обвинения и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в данной части с изменением основания прекращения с отсутствия допустимого повода на отсутствие в действиях адвоката дисциплинарного проступка.

В части дисциплинарных обвинений в адрес адвоката Д. в осуществлении им предпринимательской деятельности как в качестве индивидуального предпринимателя, так и в качестве единоличного исполнительного органа ООО «П.», Квалификационная комиссия руководствовалась поступившим в Адвокатскую палату города Москвы ходатайством адвоката Т. от 2 февраля 2020 г., в котором он заявляет об отзыве жалобы в части обвинения адвоката Д. в осуществлении предпринимательской деятельности и просит в данной части прекратить дисциплинарное производство. Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, полагает необходимым дисциплинарное производство в данной части прекратить в связи с отзывом жалобы.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Д. за совершенные дисциплинарные проступки, Совет учитывает умышленный, грубый и вызывающий характер данных нарушений, свидетельствующий о намеренном игнорировании адвокатом Д. фундаментальных требований профессиональной этики, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодексом профессиональной этики адвоката и решениями органов адвокатского самоуправления, принятыми в пределах их компетенции. В то же время Совет учитывает, что адвокат Д. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался. При таких обстоятельствах Совет

полагает необходимым применить к адвокату Д. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.